

© 2006 г. А.Э. ГРАЩЕНКОВА

РЕФЛЕКСИВЫ В ГРУППЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ТИПОЛОГИЯ

Исследование функционирования рефлексивных местоимений в рамках данной статьи ограничено синтаксическим контекстом группы прилагательного. Такое сужение круга рассматриваемых в связи с рефлексивами явлений продиктовано двумя соображениями.

Во-первых, синтаксическая анафора является, безусловно, одним из наиболее разработанных модулей синтаксиса. Правила употребления различных анафорических средств (и, в первую очередь, рефлексивов) в различных синтаксических контекстах, начиная от именной группы и заканчивая сложной предикацией, хорошо изучены как в типологическом, так и в теоретическом аспектах. Группа прилагательного, тем не менее, прежде не рассматривалась, или практически не рассматривалась, как составляющая, способная накладывать ограничения на референциальные свойства анафорических средств. Расширение типологической базы данных по этому вопросу не только заполнит существующую лакуну, но и обогатит всю синтаксическую теорию в целом. Во-вторых, представляется возможным применить накопленные о возвратных местоимениях знания для того, чтобы пролить свет на внутреннюю структуру группы прилагательного, формализовав, таким образом, известный со времен Арно и Лансло тезис о том, что на глубинном уровне прилагательное является предикатом.

1. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ АНАФОРЫ

Не претендуя на полноту охвата, вкратце обозначим основные вехи развития исследований, посвященных рефлексивным местоимениям. Наиболее последовательные исследования в области синтаксической анафоры, и, в частности, употребления рефлексивов проводились в рамках теории порождающей грамматики [Казенин, Тестелец 1997; Бейлин 1997; Тестелец 2001; Лютикова 2002].

1.1. Теория связывания

Еще в ранних редакциях теории связывания было установлено, что анафорические элементы чувствительны к двум параметрам – это границы категорий (таких, как ИГ, простая предикация, предложение) и структурные отношения между анафорическим элементом и его антецедентом. Первый из этих параметров описывается понятием локальной области (local domain), иначе – непрозрачной области (opacity domain), или области связывания (governing category). Второй параметр описывается при помощи понятия структурного приоритета, иначе – с-командования (c-command). Именно в этих терминах формулируется классическая теория связывания [Chomsky 1981].

Определение отношения структурного приоритета (или c-command) в том виде, в котором оно используется в стандартной теории, было предложено в работах [Reinhart 1981; 1983]. Оно включает в себя два условия:

Узел А обладает структурным приоритетом над узлом В тогда и только тогда, когда

- i. узел, который непосредственно доминирует над А, также доминирует над В, и
- ii. ни А, ни В не доминируют друг над другом.

В частности, для рефлексивных местоимений в пределах содержащей их составляющей требуется не любой произвольный антецедент, а только такой, который обладает

по отношению к ним структурным приоритетом. Так, в предложении (1) на роль антецедента местоимения *себя* подходит только именная группа (ИГ) *отец*. ИГ *Васи* не может быть антецедентом рефлексива, т. к. является комплементом ИГ *отец*, что нарушает первое из условий вышеприведенного определения:

(1) Отец_i Васи_j убил **себя**_{i,j}.

Понятие *s-command* определяет одно из ключевых понятий стандартной теории – связывание:

ИГ А называется связанной ИГ В тогда и только тогда, когда

i. В командует А, и

ii. А и В помечены одинаковым референциальным индексом.

По отношению к связыванию ИГ делятся на три типа: анафоры (к которым, в том числе, относятся и рефлексивные местоимения); прономinals и референциальные выражения.

Область, в которой рефлексив должен иметь антецедент, называется непрозрачной областью. Определение непрозрачной области выглядит следующим образом¹:

α является непрозрачной областью для β , если α – это минимальная ИГ, либо минимальная клауза, которая содержит одновременно и β , и фактор непрозрачности.

Фактором непрозрачности в общем случае является подлежащее, однако, в зависимости от вида конструкции им может быть и какой-либо иной элемент. Так, в предложении (2) фактором непрозрачности является нулевое подлежащее – PRO, а в (3) фактором непрозрачности служит ИГ *его*, находящаяся в позиции спецификатора другой ИГ *статью о самом себе*:

(2) Вася попросил Петю [PRO налить **самому себе** чаю].

(3) Мы читали [_{ИГ} его [статью о **самом себе**]].

Таким образом, фактором непрозрачности (или подлежащим) в генеративной традиции принято называть элемент, находящийся выше всех остальных элементов в дереве составляющих.

Классическая теория связывания в том виде, в котором она сформулирована в [Chomsky 1981], включает в себя три принципа:

Принцип А: Анафор связан в своей непрозрачной области;

Принцип В: Прониминал свободен в своей непрозрачной области;

Принцип С: Референциальное выражение свободно.

Хорошо известно, что данная теория описывает далеко не все случаи функционирования анафорических местоимений. Мы не будем подробно останавливаться на недостатках классической теории, отметим лишь несколько фактов, необходимых для ясности дальнейшего изложения. Во-первых, очевидно, что, сформулированная таким образом, теория не способна объяснить поведение рефлексивов за пределами элементарного предложения. Действительно, наряду с рефлексивными местоимениями, удовлетворяющими требованию локальности, во многих или даже практически во всех языках (относительно универсальности явления см. [Reuland 1991; Тестелец, Толдова 1998; Лютикова 2002]), существуют такие рефлексивы, антецедент которых может или должен находиться за пределами элементарного предложения, содержащего местоимение. Такие рефлексивы получили название дистантных или дальних (*long distance reflexives*) рефлексивов. Простейшим примером дистантного рефлексива может служить, например, русское местоимение *себя*. Действительно, в отличие от локального *самого себя*, дистантное *себя* может иметь в качестве антецедента ИГ, находящуюся за пределами простой предикации:

(4) русский:

а. Петя_i попросил гостя_j [$\emptyset$ _i налить **самому себе**_{j,i} чаю].

б. Петя_i попросил гостя_j [$\emptyset$ _j налить **себе**_{i,j} чаю].

Кроме того, важным недостатком классической теории является постулат о дополнительной дистрибуции разных типов анафорических средств. Немногим позже было эмпирически установлено, что в подавляющем большинстве языков (см., например [Тестелец, Толдова 1998; Лютикова 2002]) отсутствует дополнительное распределение между

¹ Приводимое здесь определение заимствовано из [Тестелец 2001].

локальными и дистантными рефлексивами, а иногда между дистантными рефлексивами и простыми анафорическими местоимениями. Так, например, в русском языке в локальных контекстах допустимо употребление как локальных, так и дистантных рефлексивов, а в дистантных контекстах – соответственно, дистантных рефлексивов и прономиналов (см. примеры (5)–(6) из [Тестелец, Толдова 1998]):

локальное употребление:

(5) Он_i видит себя_i // сам себя_i // *его_i.

дистантное употребление:

(6) Они_i никому не позволяют [вмешиваться в свои_i // их_i дела].

1.2. Универсальная иерархия позиций рефлексива

Способность рефлексивных местоимений располагаться в разных языках на разном расстоянии от своего антецедента является проблемой, требующей отдельного рассмотрения. Как в рамках порождающей грамматики, так и в рамках функционалистского подхода, был предпринят ряд попыток объяснения этого факта. Наиболее значительным достижением в данной области является открытие так называемой иерархии Мандзини-Уэкслера (см. [Manzini, Wexler 1987], ср. также анализ в [Тестелец, Толдова 1998]). Исследователи отмечают, что область связывания для разных местоимений может определяться как минимальная составляющая, содержащая:

1. подлежащее;
2. любую категорию, специфически свойственную финитному глаголу;
3. категорию времени;
4. категорию референциального времени (не-таксисные формы, интерпретируемые независимо от времени глагола главного предложения);
5. категорию корневого времени, которая обнаруживается только в глаголе главного предложения.

К подходу Мандзини и Уэкслера, близок подход Далримпл [Dalrymple 1993]. Важным дополнением к иерархии, предложенной предыдущими авторами, явилось обнаружение еще одной релевантной области – так называемой “сопредикатной области” (область, включающая актанты одного предиката).

Альтернативой генеративистскому подходу, в рамках которого объяснение способности рефлексивов располагаться на разном расстоянии от своего антецедента выражается в определении различных областей связывания, предстает функционалистский подход, в парадигме которого учет этих фактов выражается в описании позиций рефлексива.

Один из вариантов универсальной иерархии позиций рефлексива был предложен в [Лютикова 1997]. Наиболее полный вариант этой иерархии представлен в работе [Тестелец, Толдова 1998]. Иерархия построена по принципу увеличения структурного расстояния от рефлексива до его антецедента. По принципу своего построения эта иерархия отражает движение от локальных употреблений к дистантным (подробнее про универсальную иерархию позиций рефлексива см. [Тестелец, Толдова 1998; Лютикова 2002]).

Иерархия, предложенная Я.Г. Тестельцом и С.Ю. Толдовой, включает в себя следующие позиции рефлексива:

1. прямое дополнение при двухместном предикате (Дпр (2местн));
2. прямое дополнение при битранзитивном предикате (Дпр (битранз));
3. коаргументная позиция (актант, сопредикатный с подлежащим) (Коаргумент);
4. неактантная ИГ, сопредикатная с подлежащим, т. е. сирконстант или составляющая актанта (НеактантИГ);
5. ИГ, входящая в нефинитную зависимую предикацию (ИГнефин);
6. ИГ, входящая в финитную зависимую предикацию (ИГфин).

Схема 1

Универсальная иерархия позиций рефлексива [Тестелец, Толдова 1998]

Дпр(2местн) < Дпр (битранз) < Коаргумент < НеактантИГ < ИГнефин < ИГфин

Иерархия представляет собой идеальный инструмент для типологически ориентированных исследований. Обладая предсказательной силой, она также позволяет верифицировать полученные языковые данные. Существенное достоинство данной иерархии, безусловно, заключается в том, что она может быть модифицирована или дополнена без ущерба для ее функционирования.

1.3. Связывание рефлексивов как синтаксический тест

Как уже говорилось выше, функционирование рефлексивных местоимений в языке обычно ограничено довольно жесткими требованиями, такими как локальность, или ориентированность на подлежащее. Именно подобные ограничения делают возможным использование рефлексивов в ряде синтаксических тестов. Так, локальность рефлексивов, требующая, чтобы местоимение и антецедент находились в пределах одного и того же элементарного предложения, предоставляет, таким образом, в спорных случаях критерий для определения его границ. Данный критерий позволяет, например, проверить гипотезу, согласно которой каузативная конструкция состоит из одной, а не из нескольких предикаций (подробно про этот тест см. в [Harris 1981; Тестелец, Толдова 1998]).

Подобный тест также может быть использован и при обнаружении в языке сериальных конструкций. Поскольку граница между сериальной конструкцией и двумя соположенными предикациями зачастую бывает размыта, использование такого рода тестов оказывается незаменимым инструментом.

Действительно, рассмотрим пример из карачаево-балкарского языка:

- (7) *kerim baxca-s-in šürü-p tura-di*
 Керим сад-3-Асс пахать-Conv стоять-Pst.3Sg
Керим вспахал сад (=результ. Сад вспахан Керимом).

В предложении (7) вершинный предикат представлен двумя соположенными глагольными формами: конвербом смыслового глагола *пахать* и финитной формой глагола *стоять* (типологически типичный глагол сериализатор). Возникает вопрос: как определить, что (7) не является полипредикативной конструкцией, в которой каждый из предикатов описывает отдельную ситуацию (а значение всего предложения складывается композиционно из значения частей), а представляет собой идиоматический комплекс, где значение целого не является композицией значений составных частей? Используем для проверки синтаксические свойства рефлексива:

- (8) *kerim_i kesi kesi-ni_i baxca-s-in šürü-p*
 Керим сам себя-Gen сад-3-Асс пахать-Conv
tura-di
 стоять-Pst.3Sg
Керим вспахал свой сад (=результ. Сад вспахан Керимом).

В предложении (8) рефлексив *kesi kesi-ni* находится в позиции посессора и маркирует кореферентность с подлежащей ИГ *Керим*. Рассмотрим теперь случай, когда две соположенные глагольные формы в (8) образуют полипредикативную конструкцию. В этом случае ИГ *Керим* является актантом внешнего предиката *turadi*, а рефлексив находится во внутренней, зависимой предикации, возглавляемой нефинитной формой глагола *пахать*. Известно, однако, что местоимение *kesi kesi-ni* локально, т. е. не может маркировать кореферентность с ИГ, находящейся за пределами элементарного предложения, содержащего само местоимение.

- (9) *kerim_i alim_j kesi kesi-n_j-ni_i öltür-ür-dü dep*
 Керим [Алим сам себя-Асс убить-Pot-3] Sbrd
qoq-a-di
 бояться-Ipfv-3
Керим боится, что Алим себя убьет.

Локальность рефлексива *kesi kesin* исключает трактовку (8) как полипредикативной конструкции и подтверждает первоначальную гипотезу о том, что две соположенные глагольные формы представляют собой идиоматичный комплекс и что, таким образом, в (7) мы имеем дело с сериальной конструкцией.

Второе свойство рефлексивных местоимений, а именно ориентированность на подлежащее, позволяет использовать рефлексивы и в тестах другого рода. Как замечают авторы работы [Тестелец, Толдова 1998] “приоритетный статус антецедента рефлексива в синтаксической структуре предложения может служить критерием наличия или отсутствия этого статуса”. Действительно, возможность употребления рефлексивов в нефинитных конструкциях, в том числе в инфинитивных, является одним из важнейших доводов в пользу обнаружения в таких конструкциях собственного, пусть и фонологически невыраженного, подлежащего:

(10) Мы попросили Васю, [Ø, рассказать что-нибудь о *самом себе*].

В дальнейшем, при анализе группы прилагательного (ГП) мы будем использовать оба вышеописанных свойства рефлексивных местоимений.

2. ГРУППА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Под ГП здесь и далее мы будем понимать прилагательное с зависимыми ИГ. Сочиненные прилагательные и прилагательные с интенсификаторами, во избежание путаницы, мы не будем называть ГП.

Прежде чем перейти к рассмотрению синтаксических свойств ГП, необходимо сказать несколько слов о том, что принято понимать под категорией прилагательного и какие свойства характерны для данного лексического класса.

2.1. Маркированные vs. немаркированные употребления прилагательного

В работах, посвященных изучению прилагательных, не раз признавалось, что из всех частей речи, именно прилагательное является наиболее сложной и неоднозначной категорией. От языка к языку варьирует как лексический состав адъективной категории, так и собственно наличие самой категории (см., например [Bolinger 1967; Babby 1975; Dixon 1977; Schachter 1987; Croft 1991; Bhat 1996]). В разных языках прилагательное может обладать разным набором свойств, как эксклюзивных, так и общих с категориями существительного, глагола или наречия. Однако важно, что подобное разнообразие прилагательные демонстрируют и на внутриязыковом уровне. Действительно, способность прилагательного выполнять “несвойственные” ему функции можно проследить не только на материале “экзотических” языков (с закрытым адъективным классом), но и на материале языков с сильно развитой категорией прилагательного. Хорошо известно, например, что во многих языках прилагательное помимо собственно атрибутивной функции также может выполнять и предикативную, и именную функции.

В современной функциональной парадигме принято разводить данные функции прилагательного по, так называемым, первичным (немаркированным) и вторичным (маркированным) употреблениям. Наиболее последовательно подобное разделение проводится в работах В. Крофта [Croft 1991] и Д. Бхата [Bhat 1996]. При этом утверждается, что несвойственные для себя функции (например, функцию предиката) прилагательное может выполнять только в маркированных (вторичных) употреблениях. Отмечается, что в немаркированной позиции (то есть в составе ИГ) прилагательное не демонстрирует никаких характеристик, свойственных другим лексическим классам (например, глаголам).

По нашему мнению, данное утверждение является неоправданным упрощением языковых фактов. Последние же свидетельствуют о том, что предикативная функция является неотъемлемой частью адъективной категории в целом, а не только части употреблений. Именно в своей немаркированной позиции определения при существительном прилагательное демонстрирует предикативные свойства. В наиболее явном виде предикативность² прилагательного (именно в его первичном употреблении) проявляется в

² Под термином “предикативность” здесь и далее мы понимаем обнаружение у прилагательного набора характеристик, являющихся типологически базовыми для глаголов.

способности образовывать собственную группу и быть областью связывания анафорических местоимений. Отметим, что последнее свойство считается эксклюзивным для предикаций, возглавляемых глаголом.

Кроме того, существует еще целый ряд явлений, свидетельствующих о том, что предикативность прилагательного не ограничена его немаркированными употреблением. К последним относится практически универсальная способность прилагательного организовывать собственную группу в языках с развитой адъективной категорией, а также большая свобода употребления ГП в предикативной позиции. Так, в большинстве языков существуют ограничения на употребление определенных типов ГП в приименной позиции, однако, не наблюдается ограничений на позицию при глаголе-связке. Кроме того, интересные свойства демонстрируют ГП в постпозиции. Линейному сдвигу ГП сопутствует целый ряд повторяющихся по языкам явлений, свидетельствующих о предикативности подобного рода употреблений прилагательных. К сожалению, в рамках данной статьи мы не имеем возможности подробно останавливаться на свойствах постпозиционных ГП. Отметим лишь, что морфосемантические характеристики ГП в постпозиции в значительной степени схожи со свойствами прилагательных в присвязочной позиции. Последний факт, безусловно, подтверждает выдвинутый тезис о немаркированной предикативности прилагательных.

О том, что на уровне глубинной структуры ГП представляет собой предикацию, свидетельствуют в первую очередь свойства рефлексивных местоимений в ГП. Подробному обсуждению данной проблематики посвящена следующая глава.

3. РЕФЛЕКСИВЫ В ГРУППЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Исследование функционирования анафорических местоимений в ГП было проведено на материале 13³ языков⁴.

Исследуемые конструкции представляют собой простые предикации, имеющие в своем составе ГП, одну из позиций в которой заполняет рефлексивное местоимение. Таким образом, рассматривались конструкции типа:

(11) русский:

Он уже не рассчитывает на **благоприятный для себя** исход [Падучева 1983].

(12) немецкий:

Peter hat das **seiner Schwester ähnliche** Mädchen getroffen.

Петя встретил девушку, похожую на свою сестру.

В рассматриваемых структурах содержатся две ИГ – потенциальных “контролера” рефлексивного местоимения: подлежащее клаузы [в примерах (11)–(12) это, соответственно, ИГ: *он, Peter*] и вершина ИГ, непосредственно в которую вложена ГП [ИГ: *исход, Mädchen*, в примерах (11)–(12)]. Соответственно, в языках, попавших в нашу выборку, исследовалась способность различных рефлексивных местоимений маркировать корелентность в ГП с обозначенными ИГ.

³ Семь из исследованных языков принадлежат индоевропейской семье. Из них один славянский (русский), два германских (немецкий и английский), один романский (испанский), один балтийский (литовский) и два изолята (армянский и греческий). Оставшиеся шесть языков являются неиндоевропейскими. Из них два принадлежат тюркской языковой семье (азербайджанский и карачаево-балкарский), один – финно-угорской (эстонский) и один – самодийской (нганасанский). Еще два относятся к кавказским языкам, из которых один принадлежит картвельской группе (грузинский), второй – абхазо-адыгской (кабардино-черкесский).

⁴ Языковой материал, используемый в настоящей работе, имеет несколько источников. Во-первых, для всех языков было проведено анкетирование информантов – носителей языка или людей, свободно им владеющих. Во-вторых, для русского и английского языков были проанализированы корпуса текстов, соответственно, “Национальный корпус русского языка” и “British National Corpus”. Также для анализа привлекались примеры, взятые из лингвистических работ близкой тематики. В этом случае сохранялось глоссирование примера, данное автором. Отчасти использовались и языковые грамматики, т.к. сведения, непосредственно интересующие нас, в грамматиках не приводятся, что вполне понятно, т.к. предмет исследования довольно специфичный. Тем не менее, из грамматик мы черпали общие сведения об устройстве анафорических местоимений и класса прилагательных.

Для удобства представления материала оказалось возможным объединить языки в три группы. Принцип объединения включает в себя два параметра: а) синтаксические свойства рефлексивов в разных типах составляющих в языке X и б) синтаксические свойства рефлексивов в ГП в языке X. Наложение этих двух параметров дало три группы языков. Первая объединила языки, в которых дистрибуция анафорических средств синонимична в ГП и в простой предикации. Во вторую группу попали языки, одинаковым образом маркирующие референциальные связи в ГП и в зависимой нефинитной предикации. Третья группа включает в себя языки, в которых дистрибуция анафорических средств синонимична в ГП и в зависимой финитной предикации.

Ниже, в пунктах 3.1, 3.2 и 3.3 мы поочередно рассмотрим все три типа языков, начиная с первой группы.

3.1. ГП как предикация

Эта группа включает в себя языки, в которых релевантным параметром для рефлексивов является граница предикаций. Тип вершинного предиката (финитность vs. нефинитность), в данном случае, не влияет на референциальные свойства рефлексивов.

Языки, вошедшие в эту группу, мы, для удобства, объединили в две подгруппы. Принцип объединения – количество рефлексивных маркеров. В подгруппу А, объединившую языки с одним именным рефлексивом, вошли английский, испанский, литовский, грузинский и нганасанский языки. Подгруппа В объединила греческий и черкесский языки, имеющие в своем составе несколько рефлексивных маркеров.

3.1.1. Подгруппа А

В данном разделе мы обратимся к материалу английского, испанского, литовского, грузинского и нганасанского языков.

Характерная черта, благодаря которой эти языки оказались объединены в одну группу – наличие только одного именного маркера актантной рефлексивизации⁵. В таблице (1) приведены маркеры как актантной, так и посессивной рефлексивизации, а так же и нерефлексивные анафорические местоимения:

Таблица 1

Средства поддержания референции в языках Подгруппы А

	Рефлексив	Проминал	Посессивные маркеры	
			рефлексивный контекст	нерефлексивный контекст
английский	<i>himself</i>	<i>he</i>		<i>his</i>
испанский	<i>se/(se...a sí mismo)</i>	<i>el</i>		<i>su</i>
литовский	<i>(patì) save⁶</i>	<i>jis</i>	<i>savo</i>	<i>jo</i>
грузинский	<i>(tavis) tavs</i>	<i>mas</i>	<i>tavis</i>	<i>mas</i>
нганасанский	<i>ḡonantu</i>	<i>syty</i>	<i>ḡonantu</i>	<i>syty</i>

⁵ Литовский язык, помимо именного рефлексива (*save*), также располагает и довольно продуктивным глагольным маркером (*-si-*).

⁶ Во многих языках, располагающих несколькими именными рефлексивными маркерами, более тяжелые маркеры, как правило, отличаются от более легких двумя аспектами: во-первых, их область связывания, как правило, уже чем у морфологически более простых местоимений, и, во-вторых, более тяжелые маркеры появляются в наиболее дискурсивно маркированных контекстах. В литовском, испанском и грузинском языках, поскольку и простой и составной рефлексивы локальны, наличие тяжелого маркера мотивировано только его дискурсивными свойствами, именно составные рефлексивы призваны маркировать контрастные и эмфатические контексты. В грузинском языке распределение тяжелого и легкого рефлексивов также связано со статусом контролера. Так *tavs* является строго субъектно-ориентированным рефлексивом, а составной *tavis tavs* может контролироваться любым из трех “термов” – подлежащим, прямым или косвенным дополнениями (про дистрибуцию грузинских рефлексивов см. [Aminidze, Everaert 2000; Harris 1981]).

Примеры⁷ (13)–(16) демонстрируют употребление рефлексивов в языках *Подгруппы А* в прототипическом рефлексивном контексте⁸:

(13) испанский:

Pedro se ve en el espejo.

Педро видит себя в зеркале.

(14) литовский:

Petras mat-o save veidro-d-yje.

Петя.Nom видит-Pres.3 Refl.Acc зеркало-Loc

Петя видит себя в зеркале.

(15) грузинский:

datom (tavis)tavi mojtla

Давид.Erg себя.Nom убил

Давид убил себя.

(16) нганасанский:

petʃa katʃəmi-ʔə ɲonə-ntu dʒütə-nu-ntu

Петя видеть-PF.3SG REFL-3SG сон-LOC-3SG

Петя увидел себя во сне.

Хорошо известно, что если в языке обнаруживается только один именной рефлексив, то он локален. Действительно, рефлексивные местоимения в рассматриваемых языках не могут маркировать кореферентность с актантом вложенной предикации, независимо от того является ли ее вершиной финитная или нефинитная форма глагола. Эту функцию выполняет простое анафорическое местоимение (см. примеры (17)–(18)):

(17) английский:

a. John_i asked Bill_j [Ø_j to kill **himself**_j, */ **him**_i]

Джон попросил Била убить самого себя.

b. Mary knew that Bill betrayed ***herself/her**.

Мэри знала, что Билл предал ее.

(18) грузинский [Harris 1981]:

vano_i pikrobs rom nino_j sačmels amzadebs

Vano.Nom he-thinks-I-3 that Nino.Nom food-Dat she-prepares-it-I-1

tavis-tvis_j, */ **mas-tvis**_i, *

self-for/he-for

Vano thinks that Nino is preparing food for herself/for him.

Таким образом, рефлексивные местоимения в языках *Подгруппы А* “видят” границы предикаций и могут служить критерием отсутствия или наличия этих границ. ГП в этих

⁷ Ниже, из соображений экономии, для иллюстрации мы будем приводить примеры лишь из нескольких языков каждой группы. Однако для большей наглядности разные явления будут представлены разными языками. Мы оговариваем это отдельно во избежание многочисленных повторений в тексте.

⁸ Л. Фальц [Faltz 1977] определяет прототипический рефлексивный контекст (archetypal reflexive context) как простую предикацию с двумя участниками, в которой один из участников – одушевленный Агент или Экспериментер, другой участник – Пациент.

языках, по отношению к рефлексивам, ведет себя как предикация. Т. е. рефлексивное местоимение, занимая актантную позицию в ГП, может маркировать кореферентность только с вершинным именем, но не с подлежащим предложения:

(19) английский:

Bill_i talked to a man_j proud of **himself**_j, *_i/him_{i,k}.

Билл разговаривал с гордым собой/им человеком.

(20) литовский:

Petia_i sutiko **savimi**_j, *_i/juo_i patenkinta mergina_j.

Петя.Nom встретил Refl.Instr/он.Instr довольный.Асс девушка.Асс

Петя встретил довольную собой/им девушку.

(21) нганасанский:

petʰa_i dʰötu-dʰüo kuodʰumu_j **ɲonə-ntu**_j,syty_i nʰandyty?

Петя встретить-PST.3SG мужчина REFL-3SG/он похожий

Петя встретил мужчину похожего на себя (Петю).

Из примеров (19)–(21) видно, что контролировать референцию рефлексива в составе ГП может только вершинное имя, а кореферентность с подлежащим в ГП (так же как и в зависимой предикации) маркирует только простое анафорическое местоимение.

Похожее поведение демонстрируют и посессивные местоимения в составе ГП. В позиции посессора (как в рефлексивном, так и в нерефлексивном контекстах) английский и испанский языки используют анафорические местоимения *his* и *su*, соответственно. Литовский и грузинский, так же как, например, и русский различают рефлексивный и нерефлексивный контексты: для посессивной рефлексивизации используется генитив возвратного местоимения (*savo* и *tavis*), в нерефлексивном контексте в литовском употребляется генитив простого анафорического местоимения (*jo*), а в грузинском – то же местоимение, что и при актантной прономинализации. Нганасанский язык в посессивных конструкциях использует те же местоимения (*ɲonəntu*, *syty*), что и в случае актантной рефлексивизации и прономинализации, соответственно.

В английском и испанском языках употребление посессивных местоимений не ограничено рамками каких-либо составляющих. *His* и *su* могут маркировать кореферентность ИГ во всех локальных и дистантных контекстах:

(22) испанский:

Pedro_i sabe que Miguel_j lee **su**_{i,j,k} artículo

Педро знает, что Мигель читает его/свою статью.

Точно также и в составе ГП английские и испанские посессивные местоимения могут маркировать кореферентность как с подлежащей, так и с вершинной ИГ:

(23) английский:

Mary met a teacher proud of **her/his** son

Мэри встретила учителя, гордого своим/ее сыном.

(24) испанский:

El presidente_i colocó a ese puesto a una persona_j leal a **su**_{i,j} padre

Президент назначил на этот пост человека верного своему отцу.

В литовском, грузинском и нганасанском языках дистрибуция посессивных местоимений совпадает с дистрибуцией не притяжательных местоимений. Посессивные *savo*, *tavis* и *ɲonəntu*, так же как и простые рефлексивные местоимения – локальны, во всех дистантных контекстах используются неререфлексивные *jo*, *tas* и *syty*, соответственно [ср.

(25) из грузинского].

(25) грузинский [Harris 1981]:

vano_i pikrobs rom nino_j sačmels amzadebs

Vano.Nom he-thinks-I-3 that Nino.Nom food-Dat she-prepares-it-I-1

tavis_{j,*i} /mas_{i,*j} dedas
 selfs/his mother-Dat
Vano thinks that Nino is preparing food for her/his mother.

Как и ожидается, в составе ГП посессивные рефлексивы *savo*, *tavis* и *ḡonəntu* могут быть кореферентны только вершинному имени, а посессивные прономиналы *jo*, *mas* и *syty* – только подлежащему, см. примеры (26)–(27):

(26) ЛИТОВСКИЙ:

Vitas_i sutiko moterij_j panašia_i i savo_{j,*i} /jo_{i,k} tėva_i
 Витас встретил женщина.Асс похожий.Асс на Refl.Gen/3Sg.Gen отец.Асс
Vitas встретил женщину, похожую на своего/его отца.

(27) НГАНАСАНСКИЙ:

peʔa_i mənʔi-ntü ḡanasan-ə_j nʔatua
 Петя любить-IPFV.3SG человек-ACC вежливый
 syty_{i,*j} /ḡonə-ntu_{j,*i} heʔitü dʔa
 он /REFL-3SG родные к
Петя любит человека, вежливого со своими родными.

Как мы видели, в языках с единственным рефлексивным маркером границы предикаций являются фактором, блокирующим кореферентность рефлексива. ГП в английском, испанском, литовском, грузинском и нганасанском так же является областью связывания для рефлексивов, как и элементарная предикация. И так же, как границы предикации, границы ГП связывают и простые анафорические местоимения, блокируя их кореферентность с вершинной ИГ.

3.1.2. Подгруппа В

Вторую подгруппу языков представляют греческий и черкесский. Первый является индоевропейским изолятом, второй принадлежит абхазско-адыгской группе кавказских языков.

Греческий и черкесский языки, в отличие от языков первой подгруппы, располагают как локальными, так и дистантными рефлексивными маркерами. Эти и некоторые другие средства поддержания референции приведены в таблице (2).

Таблица 2

Рефлексивные и простые анафорические местоимения в греческом и черкесском языках

	Локальный рефлексив	Дистантный рефлексив	Прономинал	Посессивный контекст
греческий	<i>o eafios tu</i> ⁹	<i>o idhios</i>	<i>tu</i>	<i>tu</i>
черкесский	<i>jə šhar</i>	<i>jezər</i>	<i>ar</i>	<i>jezər/ar</i> ¹⁰

⁹ *o eafios tu* состоит из определенного артикля мужского рода *o*, изменяющегося по числам и падежам, вершины *eafios* (себя), также изменяющейся по числам и падежам и посессивного местоимения *tu*, изменяющегося по числам, лицам и родам.

¹⁰ Дистрибуция *jezər/ar* в посессивном контексте соответствует дистрибуции этих местоимений при актантной прономинализации.

Локальные *o eaftos tu* и *jə šhar* маркируют кореферентность внутри элементарного предложения, во всех позициях кроме позиции посессора, в которой употребляются соответственно, *tu* и *jezər*:

(28) черкесский:

- a. abə **jə šha-r** je-лаw
 тот.Erg 3SG.Refl-Abs 3Sg.A-видеть
Он видит себя.
- b. adə-m_i qwə-m_j ***jə šha-m/** **jez-əm_{i/j}** jə mašəpə
 отец-Erg сын-Erg 3Sg Refl-Erg/ сам-Erg 3Sg машина
 je-rjə-t-a-š
 3Sg.Io-3Sg.A-дать-Pf-Ind
Отец дал сыну свою/его машину.

Дистрибуция дистантных рефлексивов и простых анафорических местоимений в этих языках практически совпадает (про греческий дистантный рефлексив см., например, в [Iatridou 1986; Varlokosta, Hornstein 1993; Ntelitheos 2001]). И те, и другие не могут быть связаны в локальной области, однако рефлексивы должны иметь antecedent внутри предложения, в состав которого входят сами (см. (29a)), а прономinals допускают в качестве antecedenta любую ИГ, специфицированную в дискурсе (см. (29b)):

(29) греческий [Iatridou 1986]:

- a. O Vasilis_i theli o Costas_j na voithisi
 The Vasilis-Nom wants the Costas-Nom Comp helps
ton idhio_{i,*j,*k}
 the-same-Acc
'Vasilis_i wants Costas to help him_{i,*k}'
- b. O Vasilis_i theli o Costas_j na **ton_{i,*j,k}** voithisi
 The Vasilis-Nom wants the Costas-Nom Comp him helps
'Vasilis_i wants Costas to help him_{i,k}'

В таблице (3) приведены синтаксические позиции, доступные для рефлексивов и прономinals.

Таблица 3

Доступные синтаксические контексты для рефлексивов и прономinals

	Локальный контекст		Зависимая предикация
	ИГактант	ИГпосессор	
греческий	<i>o eaftos tu</i>	<i>tu</i>	<i>o idhios/tu</i>
черкесский	<i>jə šhar</i>	<i>jezər</i>	<i>jezər/ar</i>

В ГП¹¹ и в греческом, и в черкесском языках локальный рефлексив может кодировать кореферентность только с вершиной ИГ, непосредственно в которую вложена ГП; подлежащее предложения не может контролировать референцию локального рефлексива в составе ГП:

(30) греческий:

Ο	Vasilis _i	iθe	ena	peθi _j	θimotoeno	me
Det	Василий-Nom	увидел	Det	ребенок. Acc	злой	на

ton eafto tu_{j,*i}.
Refl.Acc.3Sg

Василий встретил ребенка, злого на себя.

(31) черкесский:

axmed _i	j-o-psalə	jə sha-m _{j,*i}	χw-ə-gwəbʒə
Ахмед	3Sg.Io-Dyn-разговаривает	3SG.Refl-Erg	Ben-3Sg-злой

сəxwə-m_j
человек-Erg

Ахмед разговаривает с человеком, злым на себя.

В черкесском, маркировать кореферентность с подлежащим предложения может как дистантный рефлексив, так и прономинал. Особого внимания заслуживает тот факт, что дистантный рефлексив не может контролироваться вершинным именем. То же верно и для прономинала:

(32) черкесский:

axmed _i	j-o-psalə	jezə-m _{i/*j}	/ abə _{i/*j}
Ахмед	3Sg.Io-Dyn-разговаривает	сам-Erg	/тот.Erg

qə-χw-ə-gwəbʒə сəxwə-m_j
Inv-Ben-3Sg-злой человек-Erg

Ахмед разговаривает с человеком, злым на себя (Ахмеда).

Запрет на кореферентность *jezə* с вершинным именем говорит о том, что ГП является для него локальной областью, в рамках которой *jezə* не может быть связан. Таким образом, ГП демонстрирует те же свойства, что и зависимая предикация в черкесском, блокируя кореферентность локального рефлексива с подлежащим и дистантного рефлексива (и прономинала) с вершинной ИГ.

Таким образом, мы показали, что в языках *Подгруппы В*, так же как и в языках *Подгруппы А* рефлексивы и прономиналы не различают границы предикации и границы ГП.

В языках *Подгруппы А* ГП, как и зависимая предикация, блокирует кореферентность рефлексивов с подлежащей ИГ.

В языках *Подгруппы В* локальные рефлексивы в ГП могут контролироваться только вершинным именем; дистантные рефлексивы и прономиналы, в свою очередь, не допускают в качестве антецедента вершинную ИГ, так же как и не допускают наличие контролера в составе элементарной клаузы. Полученные результаты представлены в сводной таблице (4).

¹¹ Отметим, что для черкесского языка существует проблема выделения частей речи. Поэтому рассмотрение конструкций с ГП корректно только в том случае, если признавать, что прилагательное в черкесском образует отдельный лексический класс.

Сводная таблица для языков Подгруппы А и В

	Локальный контекст	Зависимая предикация	ГП (кореферентность с подлежащим)
английский	himself	him	him
испанский	his se	his el	his el
литовский	su save	su ji	su ji
грузинский	savo tavs	jo mas	jo mas
нганасанский	tavis ŋonə-ntu	syty	syty
греческий	o eafthos tu	o idhios tu	tu (?o idhios)
черкесский	jə šhar	jezər ar	jezər ar

3.2. ГП как нефинитная предикация

В данном разделе мы обратимся к материалу языков, в которых правила установления референции совпадают для анафорических средств, находящихся в составе ГП и нефинитной зависимой предикации. Такими языками в нашей выборке являются русский, армянский, азербайджанский, балкарский и эстонский. Начнем обзор полученных данных с материала русского языка.

3.2.1. Рефлексивы в ГП в русском языке

В русском языке, также как и во всех языках, попавших в эту группу, представлено два рефлексивных маркера: *себя* и *самого себя*¹². Оба местоимения могут занимать актантную позицию в ГП. Начнем обзор с синтаксических свойств простого рефлексива. В п. 3.2.1.1 мы рассмотрим поведение местоимения *себя* в составе ГП, а в п. 3.2.1.2 обратимся к синтаксису составного рефлексивного маркера.

3.2.1.1. Простой рефлексив

Возвратное местоимение *себя* имеет достаточно широкую сферу употребления. В классификации анафорических средств, представленной в работе [Тестелец, Толдова 1998], его следует причислить к категории дистантных рефлексивов, способных, кроме того, употребляться и в локальных контекстах. *Себя* является стандартным способом маркирования кореферентности актантов одного и того же предиката:

(33) *Петя убил себя.*

(34) *Петя строит себе дом.*

Подобным же образом простой рефлексив может маркировать кореферентность с актантом главной предикации, находясь в составе зависимого нефинитного предложения:

(35) *Петя_i попросил Васю_j [налить себе_{i,j} чаю].*

¹² Здесь для простоты мы привели лишь один (наиболее продуктивный) из трех типов составных рефлексивов, представленных в русском языке. Подробно про синтаксические и семантические характеристики составных рефлексивов, а также про дистрибуцию всех трех типов см. п. 3.2.1.2.

Областью связывания *себя* выступает минимальная финитная область по М. Далримпл (категория времени по М. Мандзини и К. Уэкслеру). Это означает, что *себя* не может кодировать кореферентность с актантом главной предикации, находясь в составе финитного зависимого предложения:

(36) *Петя_i хочет, чтобы Вася налил себе_i чаю.

Референцию простого рефлексива в составе ГП, в общем случае может контролировать как подлежащее, так и вершинное имя:

(37) Черепков_i ведет свою кампанию вне СМИ, надеясь на традиционную поддержку верного себе_{i,j} электората_j.

(38) Он_i неистово защищает свое существование, преследуя безразличных к себе_{i,j} граждан_j.

Существуют разные способы разрешения референциального конфликта, возникающего в случаях типа (37)–(38). Данный вопрос, безусловно, требует отдельного рассмотрения, однако, в данной статье затронут не будет, поскольку не связан напрямую с предметом нашего исследования.

3.2.1.2. Составной рефлексив

Составной рефлексив в русском языке представляет собой сочетание простого *себя* с интенсификатором *сам*. Составной рефлексив *самого себя* отличает от простого *себя*, в первую очередь, его локальность. В то время как местоимение *себя* может отсылать к ИГ, находящейся в другой предикации, антецедент составного рефлексива должен быть найден в том же элементарном предложении. Сравним пример (39) с простым рефлексивом, который может иметь антецедент как в своей предикации, так и за ее пределами, с предложением (40), включающим составной рефлексив, который обязательно маркирует кореферентность с ИГ, находящейся в той же предикации:

(39) Петя_i попросил гостя_j [Ø_j налить себе_{i,j} чаю].

(40) Петя_i попросил гостя_j [Ø_j налить самому себе_{j,*i} чаю].

Прежде чем перейти к анализу поведения составных рефлексивов в составе ГП обратим внимание на тот факт, что русский язык располагает несколькими типами составных рефлексивов, дистрибуция и свойства которых требуют отдельного рассмотрения.

3.2.1.2.1. Типы составных рефлексивов

В [Кибрик, Богданова 1995; Кибрик 1996] выделяется три типа подобных конструкций: тип *сам себя* (41), тип *самого себя* (42) и тип *себя самого* (43):

(41) – Какая чушь! Не обманывай-то хоть **сам себя** [Лютикова 2002].

(42) Тогда, что же поделаешь, приходится разговаривать ему с **самим собою** [Кибрик, Богданова 1995].

(43) Унижая своего противника, на самом деле ты не уважаешь **себя самого** [Кибрик, Богданова 1995].

В ГП могут быть употреблены все три типа. Однако первая и третья конструкции требуют выполнения определенных условий, о которых речь пойдет ниже. Употребление *самого себя* в составе ГП не ограничено никакими специальными требованиями и встречается в 99 случаях из 100. Для того чтобы понять причины, по которым, с одной стороны, затруднено употребление в ГП типов *сам себя* и *себя самого* и предпочтительно употребление конструкции *самого себя*, с другой, необходимо немного подробнее остановиться на синтаксических и семантических свойствах всех трех типов.

Даже при самом поверхностном анализе разных конструкций составных рефлексивов очевидны их формальные различия. В составном рефлексиве типа *сам себя*, *сам* копирует именительный падеж контролера рефлексивизации (подлежащего). *Сам* во 2-м и 3-м типах копирует падеж возвратного местоимения. Типы 2 и 3, в свою очередь, отличаются взаимной позицией интенсификатора *сам* и возвратного местоимения.

В работе Е.А. Лютиковой [Лютикова 1997] в результате подробного анализа всех трех типов делается вывод о том, что собственно локальными рефлексивами являются лишь два из них, а именно тип *сам себя* и тип *самого себя*. В конструкции *себя самого* предлагается усматривать простой (нелокальный) рефлексив, на который “навешена” семантика, привносимая интенсификатором *сам*. Подобная трактовка позволяет объяснить употребление данной конструкции в случаях, типа:

(44) *После того как шут, передразнивая, изобразил всех придворных, король, велел ему, изобразить себя самого*_{1,2}; [Лютикова 1997].

Если признать, что конструкция *себя самого* в (44) на самом деле простой рефлексив с добавляющей семантикой, привносимой *сам*, становится понятным, почему одним из возможных прочтений данного предложения является кореферентность рефлексива, находящегося в составе инфинитивного оборота с подлежащим финитной предикации, что было бы невозможно в случае локального рефлексива:

(45) *После того как шут, передразнивая, изобразил всех придворных, король, велел ему, изобразить самого себя*_{1,*}; [Лютикова 1997].

В [Кибрик, Богданова 1995] и [Лютикова 1997] отмечается удивительная нераспространенность конструкций этого типа. Подобная непродуктивность, как убедительно показано в [Лютикова 1997], по-видимому, также является следствием того, что комплекс *себя самого* представляет собой сочетание простого (=дистантного) рефлексива и интенсификатора *сам* с добавляющим и/или контрастивным значениями: “Во-первых, для нее [конструкции *себя самого*] необходима контекстуальная или конситуационная поддержка. Во-вторых, в пределах простого предложения простой рефлексив употребляется довольно редко, ограничиваясь факультативными и сирконстантными ролями. Однако в таких контекстах рефлексив не может попадать в фокус контраста, в то время как добавляющая и контрастивная семантика имплицитно его в значительной степени. Более того, как только периферийная роль благодаря контекстуальной поддержке попадает в этот фокус, она выдвигается “на первый план” и в коммуникативном смысле становится одной из главных ролей, что влечет за собой возможность появления составного рефлексива” [Лютикова 2002: 138].

По-видимому, точно так же объясняется и довольно редко встречаемое в текстах употребление *себя самого* и в составе ГП. В дистантных контекстах оно оказывается вытеснено немаркированным простым *себя*, а в локальных контекстах предпочтительней оказывается употребление “нормального” составного рефлексива.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о дистрибуции русских составных рефлексивов *сам себя/самого себя*. В [Лютикова 1997] предлагается следующее решение этого вопроса: конструкции *сам себя* и *самого себя* употребляются в зависимости от того, с какой из ролей – ролью контролера или ролью мишени – совпадает фокус эмпатии говорящего. Е.А. Лютикова убедительно показывает, что конструкция *самого себя* соответствует представлению ситуации с точки зрения Актора, а конструкция *сам себя* – с точки зрения Претерпевающего.

В ГП, по-видимому, дистрибуция *сам себя/самого себя* подчинена как дискурсивным, так и формальным требованиям. Оставляем на данный момент этот вопрос открытым (мы вернемся к нему в конце п. 3.2.1.2.2).

3.2.1.2.2. Составной рефлексив в ГП

Как мы выяснили в п. 3.2.1.1, употребление простого рефлексива в составе ГП вызывает референциальную неоднозначность, которая является следствием того, что *себя* может кодировать кореферентность как с подлежащим, так и с вершинным именем. В случае с составным рефлексивом референциального конфликта не возникает, контролер местоимения всегда может быть определен однозначно. *Самого себя* в ГП маркирует кореферентность только с вершинным именем, подлежащее не может быть антецедентом составного рефлексива:

- (46) Я_i всегда мечтал найти человека_j, безжалостного ко всему на свете, в том числе и к **самому себе**_j*_i.
- (47) Обо всем этом Я_i думал в Лозанне, на улицах которой в тот день увидел Чарли_j, удивительно похожего на **самого себя**_j*_i.
- (48) За десертом д'Артаньян_i уселся в кресло и, закинув ногу на ногу, развалился с видом человека_j, очень довольного **самим собой**_j*_i.

Выше мы рассматривали только случаи, когда ГП зависит от не-подлежащей ИГ. В таких конструкциях, как видно из примеров (46)–(48), подлежащее не может быть контролером составного рефлексива. Мы не анализировали случаи, когда подлежащее также является и вершинным именем для ГП. В конструкциях такого типа подлежащее, разумеется, может контролировать референцию составного рефлексива:

- (49) А когда человек живет в комфорте и тепле, довольный **самим собой**, зачем ему о чем-то еще думать.
- (50) Чрезвычайно гордый **самим собой**, генерал вломился в кондитерскую. И застыл в дверях.
- (51) У вас уже нет времени вернуться домой и нигде найти приют, так как всюду еще закрыто; остается одно: идти своей дорогой; и вы, необычайно довольный **самим собой** и всем окружающим миром, так и поступаете.

Теперь, когда мы выяснили, что вершинное имя является единственно возможным контролером составного рефлексива в ГП, вернемся к вопросу о дистрибуции *сам себя/самого себя*. Тип *сам себя* зависит от падежа контролера рефлексивизации – *сам* копирует именительный падеж подлежащего. Это формальное свойство ограничивает употребление *сам себя* такими конструкциями, в которых ГП непосредственно вложена в ИГ подлежащего. Тем не менее, как мы видим, в примерах (49)–(51) ни разу не встречается конструкция *сам себя*. Очевидно, что синтаксического запрета на употребление этого типа составного рефлексива в ГП нет. Действительно, при замене в примерах (49)–(51) *самого себя* на *сам себя* грамматичность предложений никак не страдает:

- (49') А когда человек живет в комфорте и тепле, довольный **сам собой**, зачем ему о чем-то еще думать.
- (50') Чрезвычайно гордый **сам собой**, генерал вломился в кондитерскую. И застыл в дверях.
- (51') У тебя уже нет времени вернуться домой и нигде найти приют, так как всюду еще закрыто; остается одно: идти своей дорогой; и ты необычайно довольный **сам собой** и всем окружающим миром так и поступаешь.

Тем не менее, в проанализированных текстах конструкция *сам себя* в ГП встречается крайне редко. Такое статистическое неравноправие конструкций *сам себя* и *самого себя*, по-видимому, может быть объяснено только при обращении к дискурсивным свойствам этих конструкций. Как было упомянуто выше, в [Лютикова 1997] предлагается рассматривать конструкцию *самого себя* как представляющую ситуацию с точки зрения Актора, а конструкцию *сам себя* – с точки зрения Претерпевающего. Нераспространенность конструкций второго типа тогда объясняется предпочтительностью рассмотрения события с точки зрения его наиболее активного участника. В этом смысле немаркированной оказывается русская конструкция *самого себя*. Она встречается в большем числе синтаксических контекстов, чем конструкция *сам себя*. По-видимому, так же объясняется и практически полное вытеснение типа *сам себя* конструкцией *самого себя* и в составе ГП.

Теперь, мы можем сделать предварительные выводы, касающиеся статуса ГП в русском языке. Областью связывания составного рефлексива в русском языке является элементарная клауза. Границы ГП, так же как и границы элементарного предложения, блокируют кореферентность составного рефлексива с ИГ за ее пределами. Границы ГП для простого рефлексива прозрачны и позволяют ему кодировать кореферентность, например, с подлежащим предложения, точно так же, как это позволяет зависимая нефинитная предикация. Таким образом, если взять для наглядности иерархию позиций ре-

флексива, предложенную в [Тестелец, Толдова 1998], то на шкале позиций ГП будет занимать тот же слот, что и нефинитная предикация:

Схема 2

ГП на шкале позиций рефлексива в русском языке

Дпр_(2местн) < Дпр_(битранз) < Коаргумент < НеактантИГ < ИГнефин/ГП < ИГфин

самого себя

себя

Обратимся теперь к материалу других языков, попавших в одну группу с русским.

3.2.2. Типологические данные

Данные армянского, азербайджанского, балкарского и эстонского языков демонстрируют поразительное сходство с материалом русского языка. Каждый из языков располагает двумя типами рефлексивных маркеров: дистантным и локальным (см. таблицу (5)).

Таблица 5

Дистантные и локальные рефлексивы в армянском, азербайджанском, балкарском и эстонском языках

	Дистантный рефлексив	Локальный рефлексив
армянский	<i>iran</i>	<i>ink^he iran</i>
азербайджанский	<i>özünü</i>	<i>özü özünü</i>
балкарский	<i>kesine</i>	<i>kesi kesine</i>
эстонский	<i>enda</i>	<i>iseenda</i>

Как и в русском, в этих языках локальный рефлексив маркирует кореферентность внутри элементарного предложения (примеры (52a)–(53a)) и не может кодировать кореферентность с ИГ за его пределами (см. примеры (52b)–(53b)). Областью связывания дистантных рефлексивов в языках этой группы является минимальная финитная клауза. Границы нефинитной предикации, таким образом, для дистантных рефлексивов прозрачны (см. примеры (52b)–(53b)):

(52) армянский:

a. Artmane **ink^he iran** spanec

Арман сам себя.Асс убил

Арман убил себя.

b. Artmane_i xñ^hec Arturin_j **ink^he iran_j**, *i/iran_{j,i} spanel

Арман попросил Артура сам себя.Асс/себя.Асс убить

Арман приказал Артуру убить самого себя/себя.

(53) эстонский:

a. isa kiita-b ainult **ise-end**

отец хвалит-Prs.3Sg только Refl.Nom-Refl.Part

Отец хвалит только самого себя.

b. isa _i	palu-s	Pillet _j	vala-da
отец	просить-Prt.3Sg	Пилле.Part	налить-Inf
ise-enda-l-e _{j,*i}		/enda-l-e _{j,i}	teet
Refl.Nom-Refl.Obl-Ad-Lat		/Refl-Ad-Lat	чай.Part

Отец попросил Пилле налить самому себе/себе чаю.

В составе ГП референция рефлексивов устанавливается так же, как и в русском языке. Границы ГП прозрачны для простого рефлексива, т. е. возможна кореферентность как с вершинным именем, так и с подлежащим клаузы. Составной рефлексив в ГП кодирует кореферентность только с вершинной ИГ, границы ГП блокируют его кореферентность с подлежащим:

(54) азербайджанский:

lälä	özün-dän/özü özün-dän _{i,*j}	gasi	bir	giz _i	görüb
Лала	себя.Abl/сам себя.Abl	довольный	один	девочка	видеть.Pst

Лала встретила девочку, довольную собой.

(55) эстонский:

Mari _i	kohta-s	enda _{i,j} /ise-enda _{j,*i}	peale	kurja
Мария	встречать-Prt.3Sg	Refl.Gen/Refl.Nom-Refl. Part	на	злой.Part

ülemest_j

начальник.Part
Мария встретила злого на себя начальника.

Таким образом, в языках этой группы налицо параллелизм поведения рефлексивных маркеров в составе зависимой нефинитной предикации и в ГП. Действительно, границы ГП не позволяют подлежащему предикации контролировать референцию составного рефлексива, и в то же время ГП, также как и нефинитная предикация не является непрозрачной областью для простого рефлексива, который может быть кореферентен как вершинной ИГ, так и ИГ подлежащего. Таким образом, выводы относительно статуса ГП в русском языке могут быть спроецированы и на другие языки, рассмотренные в этом разделе. В таблице (6) суммированы результаты анализа данных русского, армянского, азербайджанского, балкарского и эстонского языков.

Таблица 6

Рефлексивные местоимения: параллелизм ГП и нефинитной предикации

	Локальный контекст	ИГ в ГП (кор. с вершиной)	ИГ в нефинит. предикация	ИГ в ГП (кор. с подл.)	ИГ в финитной предикации
русский	сам себя себя	сам себя себя	себя *сам себя	себя *сам себя	прономинал *рефлексив
армянский	ink ^h e iran iran	ink ^h e iran iran	iran *ink ^h e iran	iran *ink ^h e iran	прономинал *рефлексив
азербайдж.	özü özünü özünü	özü özünü özünü	özünü *özü özünü	özünü *özü özünü	прономинал *рефлексив
балкарский	kesi kesine kesine	kesi kesine kesine	kesine *kesi kesine	kesine *kesi kesine	прономинал *рефлексив
эстонский	iseenda enda	iseenda enda	enda *iseenda	enda *iseenda	прономинал *рефлексив

3.3. ГП как финитная предикация

Последняя группа представлена одним языком – немецким. Немецкий располагает следующими средствами поддержания референции: простой рефлексив – *sich*, составной рефлексив – *sich selbst*, простое анафорическое местоимение – *er* и посессивное – *sein*. Дистрибуция этих местоимений довольно обычна. Простой рефлексив допустим во всех контекстах, кроме зависимой финитной предикации ((56a-b)), составной – строго локализован (57), прономинал должен быть свободен в своей непрозрачной области (58), посессивное *sein* не ограничено границами никаких составляющих и допустимо как в локальных, так и во всех дистантных контекстах (59).

(56) дистантный рефлексив *sich*

a. Peter_i bietet Paul_j [Ø_j **sich**_{j,i} den Tee einzugiessen].

Петер попросил Пауля налить себе чаю.

b. Peter_i möchte, [dass Paul_j **sich**_{j,*i} den Apfel bringt].

Петер хочет, чтобы Пауль принес себе яблоко.

(57) локальный рефлексив *sich selbst*

Peter_i bietet Paul_j [Ø_j **sich selbst**_{j,*i} den Tee einzugiessen].

Петер попросил Пауля налить самому себе чаю.

(58) прономинал *er*

Peter_i möchte, [dass Paul_j **ihm**_{i,k,*j} den Apfel bringt].

Петер хочет, чтобы Пауль принес ему яблоко.

(59) посессивное *sein*

Peter_i möchte, [dass Paul_j **seiner**_{i,j,k} Mutter, den Apfel bringt].

Петер хочет, чтобы Пауль принес яблоко его/своей матери.

В ГП локальный рефлексив, как и ожидается, может кодировать кореферентность только с вершинным именем, подлежащее не может контролировать референцию *sich selbst*:

(60) Der Präsident_i hat den **sich selbst**_{j/*i} treuen Menschen_j für diesen Posten bestimmt.

Президент назначил на этот пост человека, верного самому себе.

Неожиданным образом ведет себя в составе ГП дистантный *sich*. Так же как и локальный рефлексив, *sich* допускает в качестве антецедента только вершинную ИГ и не может маркировать кореферентность с подлежащим:

(61) Der Präsident_i hat den **sich**_{j/*i} treuen Menchen_j für diesen Posten bestimmt.

Президент назначил на этот пост человека, верного самому себе.

Кореферентность с подлежащим невозможна даже в том случае, если кореферентность с вершинной ИГ делает предложение семантически нелепым:

(62) Peter_i hat den **sich**_{j,*i} ähnlichen Menschen_j getroffen.

Петер встретил человека, похожего на самого себя.

Подлежащее не может контролировать референцию простого рефлексива и тогда, когда вершинное имя – неодушевленная ИГ, и, таким образом, вовсе не составляет конкуренции ИГ подлежащего:

(63) *Peter_i hat auf den für **sich**_j unerwarteten Vorschlag verzichtet.

Петер отказался от этого неожиданного для себя предложения.

Для маркирования кореферентности в ГП с подлежащим немецкий язык использует простое анафорическое местоимение. Вершинное имя, как и ожидается, не может быть контролером прономинала:

(64) Der Präsident_i hat den **ihm**_{i,k,*j} treuen Menschen_j für diesen Posten bestimmt.

Президент назначил на этот пост человека верного себе/ему.

Что касается посессивного *sein*, оно в ГП, как и в любой другой составляющей, может быть кореферентно любой ИГ как внутри предложения, так и за его границами:

(65) Der Präsident_i hat den **seinem**_{i,j,k} Land treuen Menschen_j für diesen Posten bestimmt.

Президент назначил на этот пост верного своей стране человека.

В таблице (7) суммированы данные о поведении анафорических средств в ГП и других синтаксических контекстах в немецком языке.

**Анафорические местоимения в разных синтаксических контекстах – параллелизм ГП
и зависимой финитной предикации**

Локальный контекст	Зависимая нефинитная предикация	Зависимая финитная предикация	ГП (кореферентность с подлежащим)
sich selbst sich sein	sich er sein	er sein	er sein

Из таблицы (7) видно, что в ГП допустимы только те средства поддержания референции, которые допустимы также и в зависимой финитной предикации.

Таким образом, в немецком языке мы столкнулись с совершенно неожиданной, не засвидетельствованной ни в одном из других 12 рассмотренных языков ситуацией. Дистантный рефлексив может маркировать кореферентность в нефинитной зависимой предикации с ИГ – аргументом матричного предиката, но не может иметь контролером подлежащее, находясь в составе ГП. Это означает, что границы ГП для рефлексива также непрозрачны, как и границы финитной предикации. Таким образом, на шкале позиций для немецкого языка ГП занимает тот же слот, что и зависимая финитная предикация:

Схема 3

ГП на иерархии позиций рефлексива в немецком языке

$\text{Дпр}_{(2\text{местн})} < \text{Дпр}_{(\text{битранз})} < \text{Коаргумент} < \text{НеактантИГ} < \text{ИГнефин} < \text{ИГфин/ГП}$

sich selbst

sich

er

sein

3.4. ГП на иерархии позиций рефлексива

Как мы выяснили, данные всех рассмотренных языков свидетельствуют, что ГП синтаксически представляет собой предикацию. Для наглядности мы свели данные о поведении рефлексивов и других анафорических средств в составе ГП для всех языков в финальную таблицу (8)¹³.

¹³ В таблице (8) аббревиатуры ЛР, ДР, П обозначают, соответственно, локальный рефлексив, дистантный рефлексив и прономинал.

Сводная таблица для всех языков

	Локальный контекст		Зависимая предикация			ГП (кореферентность с подлежащим)	
			нефинитная	финитная			
английский	ЛР		П			П	
	himself		him			him	
испанский	ЛР		П			П	
	se		el			el	
литовский	ЛР		П			П	
	save		ji			ji	
грузинский	ЛР		П			П	
	tavs		mas			mas	
нганасанский	ЛР		П			П	
	ɲonə-ntu		syty			syty	
греческий	ЛР		ДР		П	ДР	П
	o eaftos tu		o idhios		tu	o idhios	tu
черкесский	ЛР		ДР		П	ДР	П
	jə šhar		jezər		ar	jezər	ar
русский	ЛР	ДР	ДР	П	П	ДР	П
	сам себя	себя	себя	он	он	себя	он
армянский	ЛР	ДР	ДР	П	П	ДР	П
	ink ^h e iran	iran	iran	na	na	iran	na
азербайдж.	ЛР	ДР	ДР	П	П	ДР	П
	özü özünü	özünü	özünü	öl	öl	özünü	öl
балкарский	ЛР	ДР	ДР	П	П	ДР	П
	kesi kesine	kesine	kesine	ol	ol	kesine	ol
эстонский	ЛР	ДР	ДР	П	П	ДР	П
	iseenda	enda	enda	ta	ta	enda	ta
немецкий	ЛР	ДР	ДР	П	П	П	
	sich selbst	sich	sich	er	er	er	

Таблица (8) позволяет сделать сразу несколько важных для нас наблюдений:

- ни в одном из рассмотренных языков локальный рефлексив в ГП не употребляется в качестве маркера кореферентности с подлежащим.
- если анафорическое средство в ГП может кодировать кореферентность с подлежащим, то оно также допустимо и в зависимой нефинитной предикации (как маркер кореферентности с актантом матричного предиката) (обратная импликация неверна).
- если анафорическое средство допустимо в финитной предикации (как маркер кореферентности с актантом матричного предиката), то оно также допустимо и в ГП как маркер кореферентности с подлежащим (обратная импликация неверна).

Первое наблюдение, которое мы, впрочем, сделали еще раньше, свидетельствует, что ГП, как и элементарная клауза, является областью связывания для локальных ре-

флексивов, чем явно демонстрирует предикативные свойства. Более важны для нас второе и третье наблюдения. Их совокупность указывает, что для ГП в иерархии позиций рефлексива есть свой отдельный слот, располагающийся правее позиции зависимой нефинитной предикации. Дополненная иерархия тогда может выглядеть следующим образом:

Схема 4

ГП на шкале позиций рефлексива

$$\text{Дпр}_{(2\text{местн})} < \text{Дпр}_{(\text{битранз})} < \text{Коаргумент} < \text{НеактантИГ} < \text{иг-нефин} < \text{иг-ГП} < \text{иг-фин}$$

Введение позиции для ГП, если исходить из полученных нами данных, по-видимому, не нарушает условий, накладываемых на данную иерархию. В частности данная иерархия требует выполнения принципа непрерывности. Для того, чтобы определить удовлетворяет ли дополненная иерархия данному требованию представим таблицу (8) в несколько упрощенном, но более наглядном виде:

Таблица 9

Допустимость анафорических средств в разных синтаксических контекстах

	Элементарная клауза	Зависимая нефинитная предикация	ГП (корре- ферентность с подлежащим)	Зависимая финитная предикация
Локальный рефлексив	+	–	–	–
Дистантный рефлексив	+	+	+	–
Прономинал	–	+	+	+

Действительно, нетрудно заметить, что принцип непрерывности соблюден. Так же не нарушены и два другие основные требования, гласящие, что если рефлексив допустим в X, то он допустим и во всех позициях левее X и что если прономинал допустим в позиции X, то он допустим и во всех позициях правее X.

4. ФАКТОР НЕПРОЗРАЧНОСТИ В ГП

В данном разделе мы обсудим еще один вопрос, возникающий в связи с дистрибуцией возвратных местоимений в ГП. Речь пойдет о возможности выделения в ГП собственно-го подлежащего.

4.1. PRO как фактор непрозрачности в ГП

В большинстве рассмотренных нами языков рефлексивные местоимения являются субъектно-ориентированными, т.е. не допускают в общем случае кореферентности ни с каким другим аргументом, кроме подлежащего. Действительно, такова ситуация, например, в испанском, литовском, грузинском, нганасанском, черкесском¹⁴, русском и английском языках. Приведем лишь несколько примеров:

(66) эстонский:

isa _i	saati-s	sõbra _j	enda _{i/*j}	juurde	koju
отец.Nom	приводить-Prt.3Sg	друг.Gen	Refl.Par	к	домой
Отец привел друга к себе домой.					

¹⁴ В черкесском языке субъектно-ориентированным является только локальный *jə šhar*. Напомним также, что в грузинском ориентирован на подлежащее только простой рефлексив *tavs*. Составной рефлексив *tavis tavs* может маркировать кореферентность также и с другими темами [Harris 1981].

(67) грузинский [Harris 1981]:

mhaṭvari_i dahaṭavs vanos_j **tavistvis**_{i/*j}
painter.Nom he-paints-him-I Vano.Dat self.for
The painter_i will paint Vano_j for himself_i.

Мы выяснили, таким образом, что некоторые рефлексивные маркеры в языках нашей выборки могут контролироваться только субъектом. Этот факт вызывает закономерный вопрос: почему во всех представленных в п. 3 языках рефлексив в составе ГП может быть кореферентен вершинному имени, которое в рассмотренных конструкциях занимает позицию второго или третьего актанта. Последний факт вынуждает нас сделать предположение, что вершина ИГ, непосредственно в которую вложена ГП, не является контролером рефлексива, несмотря на то, что обе ИГ помечены одинаковым референциальным индексом. Данное предположение влечет за собой следующий вопрос: какой элемент, в таком случае, является антецедентом рефлексива?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить, что, как мы выяснили в предыдущем разделе, ГП является областью связывания локальных рефлексивов и прономинатов во всех языках, попавших в нашу выборку. Теория связывания требует, в частности, наличия в непрозрачной области (определение непрозрачной области см. в п. 1.1) фактора непрозрачности. В общем случае таким элементом является подлежащее. И поскольку референцию некоторых рефлексивных маркеров может контролировать только подлежащее, в ГП фактор непрозрачности так же должен быть и антецедентом возвратного местоимения¹⁵. Вершинное имя не подходит на роль фактора непрозрачности, поскольку как мы уже выяснили, не удовлетворяет требованиям, накладываемым на статус антецедента рефлексива¹⁶. Таким образом, в поверхностной структуре не обнаруживается ИГ, подходящих на роль подлежащего ГП. Наиболее вероятным кандидатом, в таком случае, на роль фактора непрозрачности становится нулевое PRO. Схематично результирующая структура тогда выглядит следующим образом:

(68) *Y_i всегда мечтал найти человека_j, [ГП Ø_j безжалостного ко всему на свете, в том числе и к себе_i, /самому себе_{j/*j}].*

Постулирование PRO в ГП кажется целесообразным хотя бы потому, что его наличие в структуре ГП объясняет допустимость кореферентности локального рефлексива в ГП с вершинным именем. Действительно, из структуры (68) видно, что контроль рефлексива осуществляется через PRO. Антецедентом рефлексива в такой структуре является PRO, референциальный статус которого, в свою очередь, контролирует объект главного предложения (так называемый объектный контроль).

4.2. PRO в ГП: русское *сам себя*

Постулирование собственного подлежащего в ГП на первый взгляд противоречит некоторым фактам русского языка. Как обсуждалось выше (см. п. 3.2.1.2.1), составной рефлексив *сам себя* может быть употреблен в ГП только в тех случаях, когда подлежащее предложения также является вершиной ИГ, в которую входит ГП (см., например, (69)):

¹⁵ Мы оговариваем это отдельно, т.к. в принципе возможны случаи, когда фактор непрозрачности не является антецедентом для анафоров. Так, русское взаимное местоимение должно быть связано в пределах составляющей, содержащей подлежащее, но может быть кореферентно и другой ИГ внутри этой области ср. *Милиционер расспрашивал арестованных друг о друге* [Тестелец 2001].

¹⁶ Мы не рассматриваем возможность, при которой фактором непрозрачности является подлежащее предложения. Поскольку это бы значило, что непрозрачной областью для рефлексивов в рассматриваемых конструкциях является не ГП, а все предложение целиком, тогда невозможно было бы объяснить запрет на кореферентность локальных рефлексивов в ГП с подлежащим и наоборот допустимость кореферентности с подлежащим прономинатов.

(69) *Чрезвычайно гордый сам собой, генерал вломился в кондитерскую. И застыл в дверях.*

Недопустимость *сам себя* в конструкциях с несовпадением подлежащего и вершинного имени объясняется тем, что *сам себя* зависит не только от падежа мишени рефлексивизации, но и от падежа контролера – *сам* копирует падеж канонического подлежащего, т.е. именительный падеж.

В п. 4.1 мы предложили постулировать в ГП собственное нулевое подлежащее, аналогично тому, как это делается в нефинитных клаузах. Однако структура типа (68) не может объяснить, по крайней мере на первый взгляд, недопустимость *сам себя* в таких конструкциях. Действительно, если в ГП есть подлежащее, значит оно может приписывать падеж компоненту *сам* в составном рефлексиве *сам себя*. Этого, тем не менее, не происходит.

Известно, однако, что ряд синтаксических тестов (основанных на свойствах плавающих определителей в русском языке) показал, что PRO в инфинитивных оборотах обладает характеристиками дательного падежа. Если принять, что прилагательное также требует от PRO дательного падежа, то недопустимость *сам себя* в конструкциях типа (68) становится понятной. Однако поведение плавающих определителей (далее ПО) в составе ГП, по-видимому, не позволяет однозначно идентифицировать падеж PRO в ГП как дательный.

В [Тестелец 2001] приводятся примеры ПО в ГП, непосредственно вложенных в ИГ подлежащего:

(70) *Студенты, [PRO сами (оба) сведущие в эскимосском языке]...*

Такие конструкции Я.Г. Тестелец предлагает анализировать как случай субъектного контроля PRO, которое в свою очередь приписывает ПО именительный падеж. Употребление ПО в ГП, вложенных в несубъектную ИГ, признаются автором сомнительными. Однако, по-видимому, употребление, по крайней мере, некоторых ПО в таких конструкциях следует считать допустимым:

(71) ^{ok} *Я попросил студентов, самих сведущих в эскимосском языке, не придирайтесь к переводу, предложенному автором грамматики.*

(72) ^{ok} *Я предложил студентам, самим сведущим в эскимосском языке, свой вариант перевода.*

Ср. сомнительность (73):

(73) [?] *Я попросил студентов, всех недовольных моим предложением, перенести пару на девять часов.*

Примеры типа (71)–(72), кажущиеся нам грамматичными, указывают на то, что ПО согласуются по падежу с вершиной ИГ, в которую вложена ГП. Однако поскольку есть основания не отказываться от согласования ПО по падежу с PRO¹⁷, можно допустить, что во всех перечисленных случаях ПО согласуется с PRO своего оборота, а PRO, в свою очередь, согласуется с падежом вершины ИГ. Данная гипотеза в таком случае позволяет объяснить недопустимость *сам себя* в ГП, не вложенных непосредственно в ИГ подлежащего и не вступает в конфликт с общим предположением о наличии в ГП собственного подлежащего.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе мы рассмотрели некоторые синтаксические свойства прилагательных. Перед нами стояла задача пересмотреть традиционный взгляд, предполагающий, что прилагательное не способно проявлять предикативные свойства в своей прототипической функции модификатора.

¹⁷ Как было показано в п. 5.1 без постулирования PRO в ГП невозможно объяснить допустимость кореферентности локальных рефлексивов с вершинным именем в языках с субъектно-ориентированными рефлексивами.

Анализ употребления анафорических средств в ГП свидетельствует о ее предикативной структуре. На типологическом материале было показано, что ГП, подобно простой предикации, может быть областью связывания анафорических местоимений. Ни в одном из исследованных языков локальный рефлексив не используется в качестве маркера кореферентности с подлежащим в ГП. Последний факт позволил предположить наличие в ГП собственного фонологически невыраженного подлежащего. Постулирование PRO в ГП кажется целесообразным также и потому, что его наличие в структуре ГП объясняет допустимость кореферентности локального рефлексива в ГП с вершинным именем в языках с субъектно-ориентированными рефлексивными маркерами.

Данные русского языка также позволяют предполагать, что PRO в ГП согласуется с падежом вершины ИГ, непосредственно в которую вложена ГП. Данная гипотеза, в таком случае, позволяет объяснить недопустимость одного из типов русских составных рефлексивов (*сам себя*) в ГП, не вложенных непосредственно в ИГ подлежащего, и не вступает в конфликт с общим предположением о наличии в ГП собственного подлежащего.

Было обнаружено также, что с точки зрения возможного контроля анафорических средств ГП ведет себя либо как нефинитная, либо как финитная зависимая предикация. Соответственно на универсальной шкале синтаксических позиций рефлексива языки объединяют ГП либо с нефинитной, либо с финитной зависимой предикацией. Было показано, что введение ГП на шкалу позиций рефлексива не нарушает условий, накладываемых на данную иерархию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арно, Лансло 1998 – А. Арно, Кл. Лансло. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М., 1998.
- Бейлин 1997 – Дж. Бейлин. Краткая история генеративной грамматики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. М., 1997.
- Казенин, Тестелец 1997 – К.И. Казенин, Я.Г. Тестелец. Исследование синтаксических ограничений в генеративной грамматике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. М., 1997.
- Кибрик 1996 – А.Е. Кибрик. Связанное употребление лексемы САМ в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996.
- Кибрик, Богданова 1995 – А.Е. Кибрик, Е.А. Богданова. Русская лексема *сам*: системно-когнитивный анализ // ВЯ. 1995. № 3.
- Лютикова 1997 – Е.А. Лютикова. Рефлексивы и эмфаза // ВЯ. 1997. № 6.
- Лютикова 2002 – Е.А. Лютикова. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М., 2002.
- Падучева 1983 – Е.В. Падучева. Возвратное местоимение с косвенным antecedentом и семантика рефлексивности // Семиотика и информатика. М., 1983. Вып. 21.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Тестелец, Толдова 1998 – Я.Г. Тестелец, С.Ю. Толдова. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // ВЯ. 1998. № 4.
- Amiridze, Everaert 2000 – N. Amiridze, M. Everaert. On subject anaphora in Georgian. Paper presented at 10th Caucasian Colloquium. Munich, 2000.
- Babby 1975 – L.H. Babby. Transformational grammar of Russian adjectives. Hague, 1975.
- Bolinger 1967 – D. Bolinger. Adjectives in English: Attribution and predication // Lingua. V. 18. 1967.
- Bhat 1996 – D.N.S. Bhat. The adjectival category: criteria for differentiation and identification. Amsterdam, 1996.
- Croft 1991 – W. Croft. Syntactic categories and grammatical relations: the cognitive organization of information. Chicago, 1991.
- Chomsky 1981 – N. Chomsky. Lectures on government and binding. Dordrecht, 1981.
- Dalrymple 1993 – M. Dalrymple. The syntax of anaphoric binding. Stanford, 1993.
- Dixon 1977 – R.M.W. Dixon. Where have all the adjectives gone? // Studies in language. V. 1. 1977.
- Faltz 1977 – L. Faltz. Reflexivization: A study in universal syntax. Doctoral dissertation. University of California. Berkley, 1977.

- Harris 1981 – A.C. *Harris* Georgian syntax: a study in relational grammar. Cambridge, 1981.
- Iatridou 1986 – S. *Iatridou*. An anaphor not bound in its governing category // *Linguistic Inquiry* V. 17. 1986. № 4.
- Manzini, Wexler 1987 – M.R. *Manzini*, K. *Wexler*. Parameters, binding theory, and learnability // *Linguistic Inquiry*. V. 18. 1987. № 3.
- Ntelitheos 2001 – D. *Ntelitheos*. A constraint hierarchy approach to the different distribution of reflexives in English and Greek. Paper presented at the postgraduate research forum on Languages and linguistics 2001 (PRFLL01). Hong Kong, 2001.
- Reinhart 1981 – T. *Reinhart*. Definite NP anaphora and c-command domains // *Linguistic Inquiry*. V. 12. 1981.
- Reuland (ed.) 1991 – Long distance anaphora / Ed. by E. Reuland. Oxford, 1991.
- Rappaport 1986 – G. *Rappaport*. On anaphor binding in Russian // *Natural language and linguistic theory*. V. 4. 1986.
- Schachter 1987 – P. *Schachter*. Parts-of-speech systems // *Language typology and syntactic description* / T. Shopen (ed.). London, 1987.
- Varlokosta, Hornstein 1993 – S. *Varlokosta*, N. *Hornstein*. A bound pronoun in modern Greek // *Natural language and linguistic theory*. V. 11. 1993.